

Глобализация и высшее образование: возможности для России

М.В. Харкевич

В статье рассматривается содержание академического дискурса о высшем образовании в условиях глобализации. Утверждается, что высшему образованию присущи такие качества, как транснационализация, сетевая самоорганизация и маркетизация. Отмечается также, что стратегическое развитие и стратификацию вузов целесообразно анализировать с помощью концепции университета как позиционного блага. Для российской системы высшего образования дается рекомендация переходить от принципов нового государственного менеджмента к идеям «doctrines». Этот шаг должен обеспечить интернационализацию российского высшего образования при сохранении ее в качестве общественного блага с учетом национальной специфики и исторически сложившихся традиций.

В условиях современных процессов глобализации и регионализации происходит формирование глобального и региональных пространств высшего образования¹. При этом, как ни в одной другой сфере общественной жизни, в системе образования укоренены особенности нации, культуры, религии, локальных и региональных социальных практик. Образование является одним из ключевых институтов, поддерживающих идеологию и единство нации. При этом высшее образование также служит основой научного развития государства, а следовательно, и его экономической и политической безопасности. Поэтому вопросы эффективной организации системы образования, адаптации ее к перемасштабированию размерности власти в мировой политике становятся приоритетом политики ведущих государств мира. Кроме того, образование становится и важным ресурсом мирополитического влияния, выраженного в термине «мягкая власть»².

Перед правительствами современных государств стоит непростая задача: примирить императив интеграции национальных систем образования в региональное и глобальное пространство высшего образования с целью повышения их качества, конкурентоспособности и привлекательности с сохранением за образованием функции самостоятельной исторической ценности и инструмента поддержания национальной и культурной идентичности³.

Эта противоречивая задача породила в мире широкую дискуссию о реформе образования. В данной работе очерчены основные темы и направления данной дискуссии, а также рассмотрены открывающиеся возможности для России.

Теоретическая матрица анализа трансформации образования в условиях глобализации складывалась под влиянием социологов глобальной культуры и информационного общества. Это, прежде всего, американский антрополог, исследователь

Харкевич Максим Владимирович – к.полит.н., ст. преподаватель кафедры мировых политических процессов МГИМО(У) МИД России. E-mail: kharkevich@mail.ru

Статья подготовлена при выполнении НИР по теме «Российское высшее образование в общемировом и европейском пространстве: соотношение приоритетов гармонизации и сохранение национальной специфики», проводимой в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (Соглашение № 8560).

феномена глобальной культуры А. Аппадурай⁴ и его соотечественник, видный социолог, теоретик сетевого общества М. Кастельс⁵. Несмотря на свою преимущественно локальную природу, культура все же приобрела в условиях глобализации выраженное глобальное измерение. А. Аппадурай ввел в академический оборот понятия, описывающие глобальные потоки идей, практик, институтов и людей:

– «этноландшафты» (ethnoscapes) – глобальные потоки людей; «финансовые ландшафты» (financescapes) – глобальные потоки торговли, денег и капитала;

– «техноландшафты» (technoscapes) – потоки технологий;

– «медиа ландшафты» (mediascapes) – потоки идей и образов в популярной культуре;

– «идеоландшафты» (ideascaes) – потоки идей, связанных с политическим управлением.

Эти ландшафты формируют «воображаемые миры», которые фиксируют исторически сложившиеся индивидуальные и групповые представления людей в общем интересубъективном транснациональном пространстве. Основным принцип и модус существования этого пространства описывается в трудах А. Аппадурая как самоорганизующийся хаос. Соответственно и методология анализа глобальной культуры опирается на теорию хаоса, синергетику.

Вклад М. Кастельса в изучение культуры в условиях глобализации заключается в выделении им сети в качестве доминирующего принципа организации социальных процессов в современном мире. Сетевая структура стала естественной морфологией современного общества и всех протекающих в нем процессов. По своей природе сеть транснациональна и не иерархична. Следовательно, структурным антиподом сети является современное государство как предельное институциональное выражение иерархии и территориальности (противоположность транснациональности). Глобальная культура неизбежно становится инородным явлением в современной политической модели мира, основанной на суверенном территориальном государстве. И, как инородное явление, оно трудно поддается управлению институтами этого мира и вынуждено развиваться через самоорганизацию.

Информационно-коммуникационные технологии – главная новизна современного витка глобализации и инфраструктурная основа сетевой организации социальных отношений – вывели на новый качественный и масштабный уровень развитие наукоемкого производства. В результате, как никогда ранее, усилилась связь и взаимовлияние науки (и культуры в целом как основы науки) и экономики. Наука и образование превратились в стратегическую отрасль национальной экономики, и при этом данная отрасль трудно поддается государственному управлению, так как инородна политическому устройству современного мира.

Усиление взаимовлияния науки/образования и экономики выражается главным образом в маркетизации сферы образования, в концепту-

ализации и организации образовательного процесса как производства образовательных услуг со всеми вытекающими отсюда позитивными и негативными последствиями для самого образования и общества в целом. Основное положительное следствие симбиоза науки/образования и экономики – рост государственного финансирования высшего образования. Основное негативное следствие – снижение академической независимости университетов от рынка, в результате чего слабо реализуется одна из основных функций университетов. Заключается она в обеспечении эксклюзивного пространства свободы от давления государства, рынка и гражданского общества, в котором профессоры проводят интересующие их исследования и транслируют студентам на лекциях и семинарах полученное ими знание. Именно благодаря этому пространству свободы университеты способны производить общественное благо – проблематизировать доминирующие формы мировоззрения ради рефлексивного развития общества.

В аналитической матрице А. Аппадурая и М. Кастельса, таким образом, выделяются по крайней мере три структурные особенности культурных/образовательных процессов в условиях глобализации: транснационализация, сетевая самоорганизация и маркетизация. Системы высшего образования в условиях глобализации стремятся к самоорганизации по сетевому принципу и функционируют как транснациональные системы производства образовательных услуг. Такое видение проблематики высшего образования в условиях глобализации определяет и содержание соответствующего академического дискурса. Так, можно выделить следующие направления развития данного дискурса: экономика знаний, непрерывное обучение (lifelong learning), человеческий капитал, глобальная интеллектуальная миграция и неолиберализм⁶.

Экономика знаний служит зонтичным понятием для всех остальных вышеперечисленных концепций. Эффективное участие в экономике знаний, где основным фактором производства является знание и способность создавать новое знание, предполагает непрерывное обучение для наращивания своего человеческого капитала, что стимулирует глобальную интеллектуальную миграцию в лучшие научные и образовательные центры мира. И все эти процессы объясняются, легитимируются и стимулируются неолиберальной идеологией повышения рыночной эффективности за счет дерегуляции, приватизации и либерализации глобальных потоков товаров, финансов, услуг и рабочей силы. Задача образования в экономике знаний – развивать соответствующие навыки и компетенции у студентов, а также способность к непрерывному их самообучению для адаптации к постоянно меняющимся запросам рынка.

Способность к непрерывному самообучению и реализация этой способности на практике признаны в документах ОЭСР и ЕС ключевой составляющей человеческого капитала⁷. Образование быстро устаревает в меняющемся мире. В ре-

■ Российское высшее образование в мировом пространстве

зультате не только студенты, но и преподаватели должны постоянно переучиваться, обновлять учебные программы, преодолевать естественную институциональную инерцию в высшем образовании – получать ренту от когда-то созданных учебных программ и методов обучения.

Интеллектуальная миграция приобрела сегодня новые особенности. Если раньше основное содержание дискуссии в этой сфере заключалось в проблеме «утечки мозгов», то сегодня Глобальная комиссия по международной миграции предлагает описывать современное положение дел с интеллектуальной миграцией с помощью понятия «циркуляция мозгов». «Учитывая перемены в международной миграции, понятие «утечка мозгов» устарело, так как оно подразумевает, что мигрант, покинувший свою родную страну, больше в нее не возвращается. Сегодня возросшая человеческая мобильность лучше отражается в понятии «циркуляция мозгов». Оно описывает тенденцию регулярного или спорадического возвращения мигрантов на родину, в результате чего происходит ее обогащение приобретенными навыками и умениями мигрантов, которые при этом проживают на постоянной основе за рубежом»⁸. Способствуют «циркуляции мозгов» национальные программы возвращения выдающихся ученых на родину. Такие программы активно развивает Китай, где в отношении «репатриантов» даже появился устойчивый термин «черепахи». Морские черепахи всегда возвращаются для выведения потомства к месту своего рождения. Подобные программы также существуют в Малайзии и России.

Идеология неолиберализма предполагает приватизацию сферы образования при сохранении государственного контроля общих показателей качества обучения. Так или иначе, но непосредственное государственное вмешательство в университетскую жизнь в странах ОЭСР постепенно снижается. Управление образовательной сферой приобретает все более опосредованный характер. Хотя следует отметить, что, к примеру, реализация Болонского процесса пошла по пути бюрократизации, что вольно или невольно приводит к излишнему давлению со стороны иерархических государственных структур на сетевое университетское сообщество, сокращая его академическую свободу.

Важным следствием распространения идеологии неолиберализма стало внедрение в системы высшего образования принципов нового государственного управления (*new public management*). Эти принципы сформировались при реформировании общественного сектора в англосаксонских странах в 1980-х гг. Новый государственный менеджмент сводится к идее приближения менеджмента в общественном секторе к методам, принятым в бизнесе. Фундаментальная предпосылка нового государственного менеджмента, как отмечает И.Н. Баранов, состоит в схожести процессов управления в государственных и частных организациях⁹. Набор принципов нового государственного управления включает в себя следующие положения¹⁰:

– повышение прозрачности расходов с привязкой затрат к результатам деятельности, а не к используемым ресурсам. Результаты при этом должны быть представлены в виде количественных показателей эффективности и производительности;

– трансформация процесса предоставления услуг путем внедрения квазирыночных форм организации (в частности, разделения функций покупателя и поставщика услуг) вместо традиционных вертикальных функциональных структур;

– создание конкурентной среды поставщиков услуг.

Со временем новый государственный менеджмент утратил свою привлекательность на Западе. Его сменила новая концепция – «governance»¹¹. Отделение управления от политики, на котором настаивал новый государственный менеджмент, было бесперспективным. Согласно Л.В. Сморгуну, концепция «governance» объединяет механизмы, процессы и институты, через которые граждане и группы выражают свои интересы, реализуют свои законные права, выполняют обязанности и балансируют между различиями. Общий смысл концепции состоит в том, что государственное управление становится менее жестким, детализированным и регламентированным, оно базируется скорее на горизонтальных, чем на вертикальных связях между государственными органами, ассоциациями гражданского общества и бизнесом.

Если новый государственный менеджмент как набор принципов по управлению ушел из государственного управления, то в сфере высшего образования он сохранил свои позиции. Как отмечает С. Маргинсон, внедрение принципов управления нового государственного менеджмента в сферу образования является прямым следствием не глобализации, а американизации – импортирования социальных практик из США¹².

В сфере высшего образования новый государственный менеджмент проявляется в усилении административного контроля над учебным и научным процессами в университетах с помощью их количественных показателей. К примеру, научная деятельность измеряется по двум показателям: количество публикаций в авторитетных научных журналах и количество цитат на них. Широкое распространение получила практика измерения эффективности и успешности университетов с помощью рейтингов. Наиболее известными являются Шанхайский рейтинг, рейтинг Times Higher Education и Quacquarelli Symonds (QS).

Исходя из принципов нового государственно-менеджмента, важнейшим стимулом развития университетов служит конкуренция. Исследования конкуренции между вузами дают богатый материал для классификации и определения основных целей развития, которые университеты ставят перед собой. Конкуренция между университетами имеет ряд особенностей, связанных с тем, что университет является позиционным благом. Концепция позиционного блага (*positional good*) была разработана Ф. Хиршем для обозначения вещей

или товаров, которые ценятся исключительно за их редкость¹³. С. Маргинсон использовал эту концепцию для анализа конкуренции в среде высшего образования и выявил, что реальный критерий конкуренции среди элитных вузов – это престиж, а не качество образования¹⁴.

Так, согласно многочисленным исследованиям абитуриенты выбирают университет, ориентируясь преимущественно на его социальный статус¹⁵. Репутация не единственный критерий отбора, но она важнее для студента, чем качество образования¹⁶. Престиж и репутация университетов хорошо известны абитуриентам, а качество обучения – нет. Однако престиж не всегда означает качество. Показателем престижа служит не только положение университета в международных рейтингах, но и конкурс, проходной балл при поступлении. Чем они выше, тем престижнее университет и тем больше студентов он к себе привлекает.

Анализ престижных университетов с точки зрения концепции позиционного блага позволяет увидеть, что ценность таких институтов основана на их эксклюзивности и немногочисленности. Они престижны именно потому, что число их ограничено. И в отдельно взятой стране количество престижных университетов не может превышать определенного небольшого числа, даже если все университеты в этой стране будут располагаться на одном качественном уровне. При расширении числа престижных университетов будет неизбежно снижаться их престиж и значимость. Это яркий пример игры с нулевым результатом. Элитные университеты никогда не могут позволить себе полностью удовлетворять спрос на элитное высшее образование в обществе. Для поддержания своего статуса университеты могут только частично удовлетворять рыночный спрос, что противоречит экономическим законом максимизации прибыли, но полностью укладывается в логику производства позиционных благ. Университеты, таким образом, не могут вести себя на рынке так же, как Sony или Starbucks. Экономическая стратегия университета – максимизация социального, академического и научного статуса, а не прибыли. Прибыль в этой стратегии играет вспомогательную роль. Статус всегда можно капитализировать, если необходимы средства для финансирования новых образовательных и исследовательских программ, направленных на повышение статуса.

Высокий статус исследовательских университетов основан на вере в позитивную связь между наукой и образованием. Однако, как показывают исследования, на уровне бакалавриата и магистратуры такой связи не наблюдается¹⁷. И это неудивительно. В качестве показателя положительной связи образования и науки должно быть не качество преподавания, а статус и престиж университета. Наличие выдающихся исследователей в профессорско-преподавательском составе университета привлекает в университет лучших и наиболее талантливых студентов, которые показывают высокие достижения в учебе не потому, что их хорошо учат, а потому, что они сами талантливы и целе-

устремленны. Отбор лучших студентов осуществляется благодаря высоким проходным баллам при поступлении. Обычно лучшие студенты приходят в университеты из состоятельных семей, способных оплачивать завышенную стоимость обучения в престижном вузе. Средства, вырученные от учебы студентов, направляются университетами на рекрутинг новых, выдающихся исследователей и развитие новых исследовательских программ. В результате престиж университета в целом растет, а качество преподавания может оставаться даже на посредственном уровне. Таким образом, элитный исследовательский университет является эксклюзивным (полузакрытым) клубом лучших профессоров-исследователей и лучших студентов, связанных между собой иногда только фактом своего нахождения в одном университете, но не процессом передачи знания и обучения.

Позиционно рынок высшего образования, делает вывод С. Маргинсон, является игрой по достижению наилучшего соответствия между статусной иерархией университетов и статусной иерархией общества. Опыт систем высшего образования в развитых странах свидетельствует, что выгоды от иерархического распределения университетов в системе получают наиболее влиятельные в социальном смысле группы населения. Таким образом, рынок высшего образования имеет олигополистическую структуру с вертикальной иерархической стратификацией. На верхнем эшелоне исследовательские университеты демонстрируют удивительную устойчивость по сравнению с «чемпионами» в других секторах экономики.

Следует отметить, что все влиятельные университетские рейтинги ориентируются именно на специфику элитных исследовательских университетов. Показатели научной деятельности играют в них ключевую роль¹⁸. На нижнем эшелоне конкуренция имеет совсем иной характер. В силу дефицита ресурсов университеты нижнего эшелона концентрируют свои усилия исключительно на преподавании. Привлечь исследователей в штат они позволить себе не могут. Несмотря на то что такие университеты могут достигать высоких результатов в образовательной сфере, как правило, их статус остается недооцененным, так как они не входят в группу элитных исследовательских университетов. Если цель элитных университетов заключается в максимизации престижа, то для университетов нижнего эшелона главная задача состоит в приумножении прибыли. Это стремление толкает университеты этой категории к расширению своего присутствия на рынке образовательных услуг за счет максимального удовлетворения спроса.

Среди университетов можно также выделить промежуточное звено между элитными исследовательскими и учебными университетами. Это университеты, которые в отличие от учебных вузов обладают ресурсами для развития исследовательской деятельности, но не входят в эксклюзивную группу элитных исследовательских университетов. Новым университетам чрезвычайно сложно про-

■ Российское высшее образование в мировом пространстве

рваться на рынок престижных вузов. Обычно все оканчивается тем, что элитные вузы перекупают у новых университетов интересные программы и многообещающих исследователей.

Таким образом, С. Маргинсон выделяет три типа университетов, представленных в табл. 1.

Таблица 1

Сегментация университетов на национальных рынках высшего образования

Элитные исследовательские университеты (сегмент 1)	Относительно закрытая группа высокообеспеченных университетов с богатой историей выдающихся профессоров и студентов, высочайшим качеством исследовательской деятельности. Цель – максимизация престижа, а не дохода. Нет стремления к расширению.
Исследовательские университеты (сегмент 2)	Полузакрытая группа университетов, которые стремятся попасть в первый сегмент, но служат преимущественно источником «утечки мозгов» для элитных вузов. Иногда могут использовать коммерческие проекты для получения дохода.
Учебные университеты (сегмент 3)	Открытая группа университетов, нацеленных на максимизацию доходов за счет увеличения количества учебных программ и студентов. В силу ограниченности ресурсов не могут позволить себе исследовательскую деятельность, ориентируются исключительно на образование.

Глобальная конкуренция между университетами имеет схожую структуру. В мире сложились три направления транстерриториальной образовательной деятельности:

– во-первых, это мобильность студентов между странами ОЭСР;

– во-вторых, студенты из развивающихся стран, особенно азиатских, приезжают на учебу в англоговорящие страны. Глобальная конкуренция между вузами наиболее интенсивна именно в отношении этой категории студентов;

– в-третьих, это распространение по миру филиалов ведущих международных университетов и развитие дистанционного обучения.

Стратификация вузов на глобальном рынке образовательных услуг повторяет стратификацию университетов в границах национальных государств. Здесь также есть элитный сегмент, представленный исследовательскими университетами, и низовой эшелон учебных вузов, а между ними располагается широкий пласт университетов, обладающих в разной пропорции чертами первых двух категорий, но не в достаточном объеме, чтобы быть причисленными к одной из них. Данная стратификация отражает и асимметрию регионального развития в мире¹⁹.

Для элитных исследовательских вузов наличие иностранных студентов на кампусе является просто признаком хорошего тона. Иностранные

студенты не увеличивают их престиж. Единственно, за кем действительно охотятся элитные исследовательские вузы на международной арене, – это талантливые аспиранты, которые могут повысить качество исследований в вузе и тем самым повысить его престиж. Конкуренция за иностранных студентов реализуется преимущественно среди учебных университетов, которые стремятся максимизировать свою долю на рынке образовательных услуг с целью увеличения доходов.

Следует отметить, что с начала 2000-х гг. намечился определенный поворот в сторону от нового государственного менеджмента в системе высшего образования. Так, в 2001 г. президенты четырех общественных структур в области образования (Европейской ассоциации университетов, Американского совета по образованию, Совета по аккредитации высшего образования США, Ассоциации колледжей и университетов Канады) подписали совместную Декларацию, в которой подчеркивается: институты – члены объединения – поставили задачу устранить препятствия для международного обмена в сфере высшего образования, используя соглашения и договоры вне системы торговой политики²⁰.

В совместной Декларации авторы излагают принципы, которыми они руководствовались, создавая данный документ:

– высшее образование существует для обслуживания общественных интересов и не является товаром «широкого потребления»;

– высшее образование существенно отличается от большинства других услуг;

– обязанность регулирования высшего образования должна оставаться в ведении компетентных органов соответствующей страны.

Однако эти принципы остаются пока во многом в подчинении идей нового государственного менеджмента. При этом Маргинсон утверждает, что в самих США высшее образование уже ушло от нового государственного менеджмента. Несмотря на это, новый государственный менеджмент продолжает копироваться в других странах. Например, сегодня многие вузы в России реорганизуют свой образовательный процесс в соответствии с международными стандартами качества ISO 9000–9001. Стандарты качества ISO – инструмент оптимизации систем управления предприятием. Следовательно, университет приравнивается к предприятию, а студенты – к потребителям услуг этого предприятия²¹.

Таким образом, университеты в современном академическом дискурсе, кроме ранее отмеченных свойств (транснационализация, сетевая самоорганизация и маркетизация), приобрели также признаки позиционного блага. Концептуализация университета в качестве позиционного блага позволяет определить экономические основания поведения различных категорий университетов в глобальном мире транснациональных отношений. В такой идейный и фактический контекст интегрируется российское высшее образование. Существует множество исследований, посвященных данной

проблематике²², в которых интернационализация российского высшего образования рассматривается как необходимая мера в условиях глобализации высшего образования. При этом оговаривается, что интернационализация должна основываться на идее импорта лучших мировых практик в области высшего образования при сохранении всего лучшего, что было наработано отечественной традицией в области высшего образования²³.

Опыт анкетного опроса профессоров и преподавателей более 50 вузов России по вопросам интернационализации российского высшего образования показывает схожие результаты. Опрос проводился под руководством д.полит. наук, профессора МГИМО О.Н. Барабанова в рамках НИР по теме «Российское высшее образование в общемировом и европейском пространстве: соотношение приоритетов гармонизации и сохранения национальной специфики», проводимой в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. Ответы были получены от 53 респондентов. Большинство из них поддерживают политику интернационализации российской системы высшего образования. 98% ответивших на вопросы анкеты полагают, что интернационализация высшего образования позволит повысить уровень подготовки студентов и аспирантов и качество научных исследований в российских вузах. Основные проблемы интернационализации высшего российского образования респонденты видят в совмещении требований Болонской системы с требованиями российской системы высшего образования, а главные преимущества российских вузов на международном рынке высшего образования – акцент на фундаментальные знания.

При этом обнаружилось отрицательное отношение к университетским рейтингам, но положительно – к измерению профессиональной пригодности преподавателей по количественным показателям их научной деятельности (индекс Хирша). Здесь проявляется определенное противоречие. Влиятельные университетские рейтинги строятся в значительной степени на количественных показателях научной деятельности сотрудников университетов. Кроме того, и рейтинги, и индексы Хирша – все это взаимосвязанные части единой идеологии нового государственного менеджмента. Невозможно принимать идеологию нового государственного менеджмента в сфере высшего образования по частям.

Пожалуй, главный вывод, который можно сделать из анализа эволюции высшего образо-

вания в условиях глобализации для российского высшего образования, заключается в том, что не следует повторять ошибки Запада. Новый государственный менеджмент не подходит для управления высшим образованием, так как университет и обучение в нем не является частным благом. Высшее образование – публичное благо и должно управляться как публичное благо с привлечением всех заинтересованных сторон (государство, профессура, студенты, гражданское общество, рынок), и измерять эффективность деятельности вузов не всегда возможно только количественными показателями. Например, такая ключевая функция университетов, как проблематизация доминирующих форм мировоззрения ради рефлексивного развития общества, не поддается количественным замерам.

Целесообразно постепенно отходить от нового государственного менеджмента в системе российского высшего образования (благо он еще не укоренился в ней) и развивать управление данной системой на основе принципов «governance», о которых говорилось выше. Преимущество «governance» – коллегиальное управление высшим образованием как общественным благом. Но для коллегиального управления каждый из участвующих акторов должен обладать относительной автономией друг от друга. В связи с этим необходимо поощрять и усиливать независимость университетов в российской системе высшего образования. Независимым университетам, государственным органам, рынку и гражданскому обществу, возможно, удастся создать такую систему управления высшим образованием, при которой интернационализация высшего образования будет учитывать национальную специфику и традиции в отечественных вузах.

Kharkevic M.V. Globalization and Higher Education: Opportunities for Russia.

Summary: *The article reviews the content of academic discourse on higher education and globalization. It posits that according to the discourse under globalization the higher education has developed such properties as being transnational, self organizing through networks and commercialized. It also stresses that strategic development and stratification of universities are best understood through the concept of university as a positional good. For the Russian higher education the article suggests moving away from ideas of new public management to governance. Such a step should provide for internationalization of Russian higher education while preserving it as a public good with its national character and traditions.*

Ключевые слова

Высшее образование, глобализация, дискурс, новый государственный менеджмент, «governance».

Keywords

Higher education, discourse, new public management, "governance".

■ Российское высшее образование в мировом пространстве

Примечания

1. См.: Качанов Д.А. Регионализация, интернационализация и глобализация высшего образования // Право и управление. XXI век. 2009. №1. С. 73-76.
  2. См.: Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. №4. С. 85–93.
  3. См.: Налетова И.В. Процессы глобализации и интернационализации в современном высшем образовании/
  4. Appadurai A. *Modernity at large: Cultural dimensions of globalisation*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.
  5. Castells M.. *The rise of the network society*. Oxford, UK: Blackwell, 2000.
  6. См.: Spring J. Research on Globalization and Education // Review Of Educational Research. – 2008. – Vol. 78, No. 2, pp. 330–363.
  7. См.: Field J. Lifelong education. *International Journal of Lifelong Education*. – 2001. – 20(1). – P. 3–15; A memorandum on lifelong learning / Commission of the European Communities Commission staff working paper. Brussels, Belgium: European Commission, 2000.
  8. Report of the Global Commission on International Migration. *Migration in an interconnected world: New directions for action*. Geneva, Switzerland: Global Commission on International Migration, 2005. – P. 31.
  9. См.: Баранов И.Н. Новый государственный менеджмент: эволюция теории и практики применения // Российский журнал менеджмента. 2012. Т 10, № 1. С 53.
  10. Там же.
  11. См.: Сморгун Л.В. Сравнительный анализ политико-административных реформ: от нового государственного менеджмента к концепции "Governance" // Полис. 2003. №4. С. 50-58.
  12. См.: Marginson S, Van Der Wende M. *Globalization and Higher Education* // OECD Education Working Papers, No. 8, OECD Publishing // <http://dx.doi.org/10.1787/173831738240>
  13. См.: Hirsch F. *Social Limits to Growth*. Cambridge: Harvard University Press, 1976.
  14. См.: Marginson S. Dynamics of National and Global Competition in Higher Education // *Higher Education*. – 2006. Vol. 52. – P. 1–39.
  15. См.: Moogan Y., Baron S. and Harris K. Decision-making Behaviour of Potential Higher Education Students // *Higher Education Quarterly*. – 1999. – Vol. 53(3). – P. 211–228.
  16. См.: Marginson S. Dynamics of National and Global Competition in Higher Education // *Higher Education*. – 2006. Vol. 52. – P. 3.
  17. См.: Terenzini P. T., Pascarella E. T. *Living with myths: Undergraduate education in America* // *College Student Affairs Administration* / E. J. Whitt (Ed.) Needham Heights: Simon & Schuster Custom Publishing, 1994. P. 173-179.
  18. См.: Большова Н.Н., Харкевич М.В. Рейтинги наступают // Эксперты МГИМО. 20.09.11 // <http://www.mgimo.ru/news/experts/document210887.phtml>
  19. См.: Томских А.А. Симметрия и асимметрия высшего образования в условиях глобализации // Социальная и экономическая география. 2012. №1. С. 124-132.
  20. См.: Мутко В.Л., Цветков С.А., Антипов М.Л. Глобализация как фактор трансформации системы высшего образования в России // Ученые записки. 2008. № 9(43). С. 61–66.
  21. См.: Там же. С. 64.
  22. См.: Лебедева М.М. Болонский процесс: проблемы и перспективы. М.: Оргсервис-2000, 2006; Бедерханова В.П., Ерофеев Д.С. Глобальные тенденции развития высшего образования и проблемы вхождения российских университетов в Болонский процесс // Вестник Мордовского университета. 2009. №2. С. 287 – 302.
  23. См.: Полохало Ю.Н., Косов Ю.В. Российское высшее образование в условиях глобализации: проблема сохранения национальных традиций и использования зарубежного опыта // Управленческое консультирование. 2007. № 4. С. 112-121.
-